

УДК 1Ф+15:34

Гриер Ф.

ИЛЬИН О ПАТРИОТИЗМЕ КАК ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ

Аннотация. Материал представляет собой исследование источников доктрины правосознания Ивана Александровича Ильина, теоретической основы работы «О сущности правосознания».

Ключевые слова: Ильин, патриотизм, правосознание, Фредрик Карл фон Савиньи, естественное право

I.

Известно, что Ильин написал первые десять глав книги «О сущности правосознания» в 1916-1918 годах, т. е. в исторически интенсивный период: в Европе шла вторая половина Первой мировой войны, в России — развивался политический кризис, который, в конечном счете, привел к развалу царского самодержавия, отречению Николая II от престола, и в 1917 г. вызвал две революции. Ильин озаглавил десятую, последнюю, главу этой книги «О патриотизме»; и эта глава по своей длине в два раза превысила остальные главы книги.

В своей копии корректурной гранки этих первых десяти глав (набранной в типографии, по-видимому, в 1919 году) на последней странице девятой главы Ильин, карандашом, от руки, пометил: «Конец октября 1917 (во время восстания большевиков в Москве)». Если девятая глава была написана во время восстания большевиков, то можно предположить, что десятая глава «О патриотизме» была написана в течение последующего месяца (или месяцев), то есть немедленно после прихода большевиков к власти. В феврале 1918 года Ильин выступил в Московском университете со страстной речью по теме «патриотизм», в которой он четко выразил свое глубокое убеждение в том, что патриотизм является крайне важной духовной ценностью.

Но, мы должны подчеркнуть, насколько трудными и сложными были исторические обстоятельства в этот период для человека, которые позже проявит себя как истинный патриот России. Страна переживала трудный период развала государства по ряду причин, включавших прежде всего, катастрофические исходы военных действий во время войны. Но даже помимо губительной военной политики, Ильин относился очень критически к династии Романовых, считая, что они сделали огромный вклад в постепенное исчезновение политически связующей основы {единомыслия} среди его соотечественников. События 1917 года положили конец царскому

самодержавию в России и, вполне возможно, государственности, схожей с законной властью в России. С точки зрения людей, высоко ценивших русский патриотизм, это было время катастроф.

Но вместе с этим, на пути отстаивания и утверждения ценностей патриотизма в этот поворотный исторический момент лежали такие же критически важные идеологические преграды. Революция большевиков, согласно ее сторонникам, была огромным шагом к отказу от идеологии национализма и национального шовинизма девятнадцатого века, достигшей кульминации в катастрофической Первой мировой войне; эта идеология вместе с национальными государствами, как таковыми, была сметена революцией 1917 года в «отвал истории». Патриотизм, по их словам, будучи преданностью суверенному национальному государству, заслуживает отмирания, как и сами национальные государства.

Согласно этой теории, на смену национальному патриотизму придет пролетарский интернационализм. С точки зрения Ильина, параллельные кризисы, связанные с поражениями России на фронтах Первой мировой войны, с развалом российского государства, и с триумфальной победой большевиков, исповедовавших идеологию пролетарского интернационализма, сведенные воедино, превратили вопрос о значении истинного патриотизма в острейший вопрос современности. Для противодействия этим силам, что Ильин был намерен продолжить, было критически важно переосмыслить значение патриотизма таким образом, чтобы его оно оставалось справедливым в условиях всех современных трудных задач, как исторических, так и идеологических. Он решил поднять патриотизм до уровня непременных и всечеловеческих духовных ценностей человека. Он посвятил десятую главу «О сущности правосознания» разработке такого толкования, в процессе связывая его неотделимость от концепции истинного или «здорового» правосознания.

II.

Для полного понимания теоретической основы работы Ильина «О сущности правосознания» прежде всего необходимо выявить источники доктрины правосознания.

Несколько месяцев назад работа Ильина «О сущности правосознания» была впервые опубликована на английском языке в моем переводе. Но даже после завершения чернового варианта перевода текста, у меня не сложилось четкого понимания значения этого понятия в России и его происхождения. И так как я считал, что не поняв толкования этого понятия в России, невозможно раскрыть и оценить значимость этой работы Ильина. Почему в 1916 году он решил взяться за написание книги по теме «правосознание»? Он явно считал, что тема, сама по себе, является очевидной; и даже не сделав попытки обосновать его решение, он приступает к работе над этой книгой, одновременно читая лекции по этой тематике, по-видимому считая, что любой хорошо осведомленный читатель понимает значимость проблемы.

Несколько позже, мне стало ясно, что это понятие зародилось в XIX веке в рамках Немецкой исторической школы права, самым известным представителем которой был Фридрих Карл Савиньи. Можно продемонстрировать, что концепция «правосознания» у Ильина в той или иной степени вытекает непосредственно из этой традиции, и далее развивается с учетом определенных учений, возникающих и развивающихся в России в конце XIX — начале XX века.

Систематическое использование термина *Rechtsbewußtsein* (т. е. «правосознание») в рамках немецкого правоведения, и источник всех дальнейших исследований в области «правосознания» в европейских странах в девятнадцатом и двадцатом веках, можно отнести к влиянию Фредрика Карла фон Савиньи (1779-1861) и его Исторической школы права. Считается, что эта традиция датируется 1814 годом, когда Савиньи опубликовал *Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* *правоведения* («О призвании нашей эпохи в законодательстве и юриспруденции») [1].

Но кажется, что наиболее сильное влияние Исторической школы вытекает из его более зрелых работ 1840-х годов. В 1840 году Савиньи опубликовал первый из восьми последующих томов своей работы *System des heutigen Römischen Rechts*, («Система современного римского права») [2], которая сразу же была воспринята, как его главная работа. В этих томах отражается зрелое систематическое изложение широкого диапазона современных ему вопросов права. Публикация этого труда стала прецедентом, в том смысле, что этот труд стал основополагающим в формировании главного направления дальнейшего развития правоведения в Германии (и в большинстве европейских стран) в течение последующих восьми десятилетий. Важно отметить, что в первом томе этой работы (которая недавно была переведена на русский язык) повторно излагается его более ранняя доктрина «правосознания», впервые изложенная в 1814 г.

То, что термин «правосознание» связан с Исторической школой права и, конкретно с Савиньи, — легко понять. На Савиньи оказало огромное влияние понятие «дух народа», введенное Гердером, подчеркивающее индивидуальность каждого народа с точки зрения его культурной самобытности и его отличия в этом от других народов. Такая самобытность выражается в общности сознания культурной нации. Это общее сознание поначалу выражалось через развитие своего языка (его грамматики, лексикона, фонетической системы и так далее), являющегося общим достоянием всех людей, входящим в группу с одним и тем же сознанием. Савиньи считал, что чувство права у народа развивается аналогично языку народа, в том смысле, что у каждого народа складывается своя особая концепция права, присущая его самобытной культуре: он говорил «в этом единстве духовном и коренится право» [3]. Правосознание каждого отдельного человека формируется этим общим сознанием: «Дух народа, живущий и действующий сообща в каждом человеке, дает начало позитивному праву, которое, следовательно, не случайно, а по необходимости, является одним и тем же в сознании каждого человека» [4]. Такое фундаментальное правосознание приняло форму цельной «живой интуиции институтов права в их органической связи, так что при возникновении необходимости создания правила в его логической форме, оно сначала должно быть сформулировано на научной основе из этой общей интуиции» [5]. Другими словами, для того, чтобы исследователи права могли разработать «рациональное» объяснение и обоснование конкретного позитивного правила закона, оно должно быть сформировано на основе общего принципа, присущность или необходимость которого должна быть продемонстрирована для «общей интуиции» институтов права, свойственного для конкретного народа.

Попытки обосновать положительное правило права только лишь на основе какого-то абстрактного, универсального принципа рассуждения, или же просто на основании чуждого, будто

бы «общего» свода законов, например, римского, можно будет очевидно приравнять, с его точки зрения, к правоведческому преступлению[6]. Чрезвычайно эффективное изложение и обоснование этой точки зрения в работах Савиньи оказали очень сильное влияние на немецкое правоведение и определили его развитие до конца века и далее. Окончательно влияние Савиньи сошло на нет только после Первой мировой войны, когда Германия и Австрия начали разработку своих новых конституций в условиях новой, радикально изменившейся политической обстановки. Это происходило на фоне новых перекрещивающихся интеллектуальных течений, разработанных такими разными правоведами как Ханс Келсен (1881-1973) и Карл Шмитт (1888-1985) [7].

Теория Савиньи в ее исходной форме подняла особый вопрос о том, каким образом «общее сознание» народа, являющееся исходной формой «естественного права» (то есть, право «естественное» для конкретного народа) и выраженное, в основном, в символических нормах и обычаях, может быть связано с более поздней ступенью его выражения, уже в виде *научного* права, в рамках которого право приобретает обработанную и систематическую *словесную* формулировку. Другими словами, каким образом правосознание народа, в конечном счете, может быть связано с правосознанием профессионального юриста? Первое является исходным и, в каком-то смысле, основополагающим источником закона; второе же воспринимается, с другой точки зрения, как первоисточник закона, но уже после полного развития и созревания системы. Но даже зрелая, живущая система права, никогда не теряет связи с общим сознанием народа. Такая система постепенно проявляет все более и более технический характер, логичность которого может быть разъяснена только юристами-учеными, роль которых в ведении и развитии права является абсолютно необходимой. Савиньи считал, что сущность зрелой, живой системы права может быть выражена только в работах самых сильных представителей профессиональных юристов-исследователей, работающих в рамках этой традиции. Таким образом, создается впечатление, что в теории Савиньи скрываются две версии правосознания: одна — правосознание народа, а другая — правосознание профессиональных юристов-ученых.

Но знакомясь с его работами далее, мы обнаруживаем, что, неявно, проявляются три формы правосознания, так как правосознание императоров, сенаторов и законодателей, которым даны полномочия *вводить* законы и обеспечивать их соблюдение, не идентично правосознанию юристов-теоретиков, понимание права которыми, каким бы оно ни было, является конечным воплощением системы. Законодатели и правоприменяющие органы могут стоять на стороне отдельных интересов, могут действовать из каких-то собственных преходящих соображений, или же в силу простой неосведомленности, и, таким-образом, любые позитивные законы (*Gesetzen*) могут стать «губительным извращением *права (Recht)*» [8]. Таким образом, *правосознание* правителей может быть существенно слабее, чем правосознание юристов-теоретиков. При этом, эти две формы правосознания, в каком-то определенном смысле, отличаются от правосознания народа. Савиньи был решительным критиком как традиционных концепций «естественного права», в рамках которых закон «происходит» от безвременных, общих философских принципов, так и позитивистских теорий типа традиционных теорий «приказ суверена». Но следует отметить, что, с практической точки зрения, теория Савиньи может быть истолкована, как теория, способствующая и поддерживающая возвращение к доктрине естественного права в

определенном смысле: его убежденность, что (позитивные) *законы (Gesetzen)* могут стать «губительным извращением» *права (Recht)* приводит к мысли, что оценка существующих законов может и должна проводиться на основе более высоких, объективных канонов {стандартов}.

III.

В своей книге «О сущности правосознания», над которой Иван Ильин начал работать в 1916 году, мы обнаруживаем те же самые три элемента «правосознания», которые отмечаются в работах Савиной. Ясно, что Ильин пишет в рамках теории, лежащей в основе Исторической школы. Ильин отмечает различие между правосознанием народа и правосознанием профессиональных юристов, а далее — между правосознанием этих групп и агентами правительства (правителями). Каждая форма правосознания может быть полностью развитой и зрелой («нормальной»), или же каждая может быть искаженной своим особым образом. Ильина в какой-то степени интересует, каким образом нормальная и искаженная формы каждого вида правосознания взаимодействуют друг с другом, и как они друг на друга влияют. Но Ильин выделяет еще и *четвертый* аспект [направление] правосознания: *политическое* правосознание (продолжение теории его наставника, профессора П. И. Новгородцева, который обсуждается ниже и который предполагает общее или частично-общее восприятие природы, возможностей и ограничений государства, как формы организации). Ильина беспокоит то, что теория рассматривает государство в *идеале*, и что исторический опыт связан с наличием различных искаженных форм государства в XIX и XX веках.

Очевидно, что российская юриспруденция XIX и начала XX века была под сильным влиянием немецкого *Rechtswissenschaft* правоведения. Продолжающееся влияние Исторической школы Савиной должно всегда рассматриваться как элемент фона, на котором в это время развивалась российская юриспруденция. Но на рубеже веков (и до этого) в Москве и в Санкт-Петербурге возникли течения, ближе отражающие российские проблемы и лежащие в основе протекающих обсуждений вопросов правосознания (или правового сознания). К 1890-м годам в России возникла форма либерализма, как своеобразное интеллектуальное и политическое течение, описание которого Валицким в его работе по либеральным философиям права и на сегодняшний день остается самым исчерпывающим исследованием на английском языке [9]. Центральным для этого движения было положение о необходимости как можно более способствовать развитию конституционной формы правления и верховенства права.

Главной целью интеллектуальных кругов, к которым непосредственно принадлежал Ильин, стало возрождение традиций естественного права и их обоснование, как основы, абсолютно необходимой для верховенства закона. Некоторые рассматривали эту цель не иначе, как восстановление *философии права*, в качестве самостоятельного научного направления. Была широко принята точка зрения, что доминирующая позиция позитивизма в правоведении фактически свела на нет все работы по философии права, как допустимое поле исследований.

То, что Ильин разделял взгляды о необходимости восстановления философии права, как науки, и применение ее к обоснованию естественного права, очевидно из текста. Проблема правосознания в толковании Ильина была, в конечном счете, связана с проблемой установления

верховенства закона и законной власти государства; эти проблемы являются центральными вопросами традиционной юриспруденции.

С точки зрения Ильина, верховенство закона, в идеале, неотделимо от модернизации доктрины естественного права. Его обоснование верховенства закона вытекало из его убежденности, что правомерность закона не может полностью вытекать из случайно сложившегося свода позитивных законов, возникших под действием непредсказуемых исторических факторов. Право может создаваться только в рамках объективной идеи сущности закона, как упорядочивание взаимоотношений между отдельными индивидуумами, необходимое для обеспечения неотъемлемого права каждого индивидуума на свободное, самостоятельное ведение своей жизни для достижения духовно достойной жизни, т. е. жизни, направленной на познание истины, создание прекрасного, процветание истинного добра, и достижение объективной религиозной веры. «Обосновать право значит показать, что оно практически необходимо на пути человека к осуществлению верховного блага. Это значит показать, что основные законы бытия человеческого духа таковы и сущность верховного блага такова, что право, как объективно обязательное правило внешнего поведения, является необходимою формою их встречи» [10].

Здоровое правосознание подразумевает осуществление своих собственных прав с одновременным осознанием своей обязанности соблюдать те же самые основные права каждого индивидуума, и, в конечном счете, осознание того, что объективный порядок правовых отношений, гарантирующих осуществление права для каждого человека, является безусловно обязательным. Так, в приблизительном изложении, Ильин понимает «естественное право».

Это возвращает нас к центральной теме данной конференции. Так как Ильин рассматривал духовную ценность патриотизма как один из аспектов здорового правосознания, а доктрину здорового правосознания он выводил из более фундаментальной доктрины естественного права, то это логически приводит к заключению, что патриотизм является всечеловеческой духовной ценностью, правом каждого человека, в любой стране.

И. Ильин это излагает в последней главе, как шестое заключение: «В-шестых, право в своем истинном и глубоком значении устанавливает всемирное естественное братство людей, связывая всех в живой порядок субъективно-правовой взаимности и соотносительности. Согласно естественному праву, все люди являются объединенными правовым общением и взаимным правовым признанием; вселенская духовная культура слагает непреложное основание для этого единства, а международное положительное право работает над созданием и укреплением этого сверхнационального и сверхгосударственного правового единения. Однако наряду с этим, положительное право и историческая государственность разрывают всемирное правовое братство, замыкают разобщенные правовые организации, противопоставляют государство государству и периодически бросают людей в бой на жизнь и на смерть; борьба за национальную духовную культуру и за ее эмпирические основы ведет к международным войнам и придает им всегда духовное значение, а иногда и духовное оправдание. Только нормальному правосознанию дано разрешить это затруднение и притом через верное понимание природы духа и природы государства: это разрешение утверждает патриотизм как верное состояние духа, как необходимую основу духовного интернационализма и как живой, действительный путь к

6

положительно-правовой организации международного братства. Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как безусловно ценные и необходимые — не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом».

КОММЕНТАРИИ И ИСТОЧНИКИ

[1] F. C. von Savigny, *Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* (Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1814). There were two more editions in von Savigny's lifetime: 1828 (Heidelberg: Mohr) and 1840 (Heidelberg: J. C. B. Mohr). The English translation by Abraham Hayward (London: Littlewood & Co., 1831) was of the second (1828) German edition. For a quite recent treatment of von Savigny's career see Benjamin Lahusen, *Alles Recht geht vom Volksgeist aus* (Berlin, 2012), 184 p.

[2] Friedrich Carl von Savigny, *System des heutigen Römischen Rechts*, 8 vols. (Berlin: Veit und comp., 1840-49). (A ninth volume contained indexes to the first eight volumes). Available in English translation as *The System of the Modern Roman Law*, Trans. William Holloway (Madras: J. Higginbotham, Pubs., 1867). (Both are available in full text online).

[3] von Savigny, *The Vocation of our Age*, trans. Hayward, p. 19.

[4] von Savigny, *System of the Modern Roman Law*, trans. William Holloway, p. 12.

[5] *Ibid.*, p. 13.

[6] To be sure, von Savigny argued that *certain parts* of Roman law had, centuries earlier, become absorbed in German *Rechtsbewußtsein*, and thus those parts were no longer “alien”. However in assessing the relevance of Roman law for the healthy development of contemporary German legal consciousness, it was first necessary to separate the “still living parts of that Roman element” from “the part of it which is in fact dead, and, merely through our misunderstanding, still drags on a perturbing show of life”. Von Savigny, “Preface”, *System of the Modern Roman Law*, trans. William Holloway, p. v.

[7] It is worth noting that after 1920 the term *Rechtsbewußtsein* becomes insignificant measured by the frequency of its occurrence in German literature (as indicated by Google frequency N-grams). Further, there is no entry for it in the influential *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, ed. Joachim Ritter (1971-98), 13 vols., nor is it present more than incidentally in Wolfgang Fikentscher, *Methoden des Rechts* (1976). 5 vols.

[8] Savigny, *The Vocation of our Age*, p. 32.

[9] Walicki, *Legal Philosophies of Russian Liberalism*.

[10] Chapter Five, first paragraph.

© Гриер Ф.Т., 2015.

Статья поступила в редакцию 15.10.2015.

Гриер, Филип Т.,

бакалавр гуманитарных наук, магистр гуманитарных наук, доктор философии,
Школа права Дикинсон Университета штата Пенсильвания (США),
e-mail: grier@dickinson.edu.

UDC 1+15:34

Grier Ph.

ILYIN ON PATRIOTISM AS HUMAN VIRTUE

Abstract. The article is a study of the sources of the doctrine of Ivan Ilyin's legal consciousness, the theoretical basis of the work «On the nature of legal consciousness.»

Key words: Ilyin, patriotism, legal consciousness, Friedrich Carl von Savigny, natural law.

Grier, Philip T.,

B.A., M.A., Ph.D.,

Dickinson School of Law, Pennsylvania State University (USA),

e-mail: grier@dickinson.edu.